

АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН

ДО СЛЕДУЮЩЕГО ВДОХА

Александр Ладогин

До следующего вдоха

«Автор»

2026

Ладогин А.

До следующего вдоха / А. Ладогин — «Автор», 2026

Алексей Ларин привык всё держать под контролем. В тридцать семь лет он узнаёт, что скоро умрёт. Последний шанс — договор с центром крионики: его тело сохраняют в надежде, что однажды медицина научится возвращать людей к жизни. Но когда его тело погружают в холод, Алексей не исчезает. Он по-прежнему мыслит, видит и слышит. Только теперь собственное тело лежит перед ним, а живые, не замечают его присутствия. Он остался собой - но что теперь означает это слово? Впереди пятьдесят лет ожидания. Мир меняется, люди приходят и уходят, а Алексей не может ни на что повлиять. Среди тех, кто тразделил его странную участь, есть женщина, которую он никогда не встречал. Она знает о нём то, чего не знает даже он сам. И почему-то остаётся рядом. Что ждёт человека, если однажды он получит возможность вернуться? И что окажется важнее самой жизни? «До следующего вдоха» — роман о времени, которое нельзя вернуть, и любви, которую не способна остановить даже смерть.

© Ладогин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Обыкновенная жизнь	5
Глава вторая. Два цветка	13
Глава третья. Ничего серьёзного	20
Гл	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Ладогин

До следующего вдоха

Часть первая. Обыкновенная жизнь

Глава первая. Вполне хороший день

I

Москва, Северное Медведково. 12 мая 2026 года, вторник.

Будильник Алексей Ларин опередил на четыре минуты и этим гордился, как гордятся мелкой победой, о которой никому не расскажешь. Телефон на тумбочке ещё молчал, за окном шумела МКАД, глухо и далеко, как шумит холодильник в соседней квартире, а из приоткрытой форточки тянуло черёмухой и утренним холодком, от которого хотелось натянуть одеяло до подбородка. Черёмуха цвела у подъезда третий день и третий день обещала холод. Пожилые соседки во дворе так и говорили: черёмуха – значит, будет холодно, и были правы, как бывают правы люди, которые восемьдесят лет живут по одной и той же примете.

Он полежал ещё минуту, перебирая день по пунктам. Совещение в одиннадцать. Ферма. Холдинг. Начальник после праздников. Начальник после праздников – это отдельный пункт, с подпунктами.

«Так. Спокойно. По пунктам», – сказал он себе и сел.

Первый рабочий день после майских в Москве похож на утро после большой свадьбы, на которой гуляли все сразу. Город полторы недели жил наполовину: три дня на дачах, пять дней кое-как на работе, ещё три дня снова на дачах, на балконах, в электричках с рассадой и в очередях к шашлычным; у кого-то за эти дни родилась внучка, у кого-то сгорела баня,

кто-то впервые за год выспался и теперь не знал, что с этим делать. Девятое мая пришлось на субботу, выходной перенесли на понедельник, и вторник двенадцатого достался всем как общая расплата. В вагоне метро у людей были лица, которые ещё не вернулись из отпуска: загар на одной щеке, царапины от малины, которой в мае не бывает, но которую всё равно сажают, и та особенная задумчивость, с какой человек вспоминает пароль от рабочего компьютера.

У «Медведкова» он зашёл в магазин за растворимым кофе. Кофе стоял там же, где всегда, но рука сама потянулась к соседней полке, к йогуртам, и перевернула один. Срок годности до пятнадцатого. Три дня. Он поставил йогурт на место этикеткой вперёд, как стоял, и только у кассы поймал себя на том, что йогурты не покупает вообще.

Четырнадцать лет в закупках дают человеку не седину – седина пришла бы и так, – а привычку видеть у каждой вещи дату, после которой она станет чьей-то проблемой. Молоко, договор, обещание поставщика, хорошее настроение начальника после праздников.

Кассирша пробила кофе и спросила про пакет.

— Не надо, в руках донесу, – ответил он.

Офис «ПродЛинии» занимал два этажа в бизнес-центре у Ярославки: бывший корпус приборного завода, перекрашенный в серое и стеклянное, с турникетами, которые узнавали всех, кроме директора. Компания возила продукты в столовые бизнес-центров и в небольшие кафе: молочку, овощи, мясо, крупы, тысячи наименований, которые утром должны были оказаться там, где их ждут, и не раньше, чем их смогут принять. Алексей отвечал за молочку и за всё, что портится быстрее совести. Так однажды выразился Стас, и Алексей, к своей досаде, запомнил.

У кофемашины на четвёртом этаже стояла очередь в семь человек.

Кофемашина была одна на весь отдел и на соседний, в обычные дни справлялась, а после праздников превращалась в узкое место логистики. Он встал восьмым, поставил свой кофе на подоконник и с профессиональным интересом проследил, как девушка из бухгалтерии второй раз не может выбрать между капучино и латте. Он мысленно дал ей отсрочку платежа до пятницы. Пахло у кофемашины жареным зерном так густо, что растворимый кофе в его банке сразу показался тем, чем был.

— Ларин, ты же свой кофе принёс, – сказал за спиной Стас. – Зачем тебе в очередь?

— Мне нужна вода. И общество.

— В кулере есть. А компания у тебя будет в одиннадцать, полный стол.

Стас работал в соседней группе, закупал бакалею и считал, что Алексей тратит на поставщиков слишком много нервов и слишком мало Excel. Ему было тридцать два, у него были дорогие часы, которых он не снимал даже в спортзале, и привычка говорить о людях так, словно читал их по накладной. Алексей его уважал. Любить не получалось ни у кого, и Стаса это, кажется, устраивало.

— Ты за холдинг? – спросил Алексей.

— Я за деньги. А деньги сейчас у них.

— Посчитай, сколько их творога к четвергу уходит в списание.

— Вот, – обрадовался Стас. – Вот этого ты и не любишь. Тебе подавай маленькое, своё и с коровой на этикетке.

— Мне нравится, когда творог не выбрасывают ящиками.

— Это не вкус, Ларин. Это принципы. – Стас взял стаканчик у кулера и, уже уходя, добавил: – Принципы у нас в компании в бюджет не заложены.

Девушка из бухгалтерии наконец выбрала латте.

II

Там же. Переговорная «Волга», 11:00.

Переговорные в «ПродЛинии» назывались реками: «Волга», «Ока», «Яуза». Самая маленькая была «Яуза», в ней помещались четыре человека и одна неловкость. «Волга» была

большая, с длинным столом и экраном, и в ней всегда стоял запах чужого обеда, даже если обедов там никогда не ели.

Олег Борисович вошёл последним, сел во главе стола и положил перед собой телефон экраном вниз. Это означало, что он готов слушать. Экраном вверх означало, что он готов слушать недолго.

Начальник отдела закупок был человек раздражительный и по-своему справедливый. Раздражался он на всех одинаково, поэтому это и считалось справедливостью. Он не любил длинных презентаций, не любил слов «синергия» и «экосистема» и очень любил, когда ему показывали цифру, которая могла его удивить.

— Ну. Молочка. Кто первый?

Первым был Стас: в повестке стоял его расчёт, холдинг он вёл как вторую позицию, на всякий случай. Он вывел на экран таблицу. Холдинг предлагал творог, сметану и кефир по цене на девять процентов ниже нынешней, отсрочку платежа в сорок пять дней, свои машины, свою логистику и минимальную партию на неделю вперёд.

— Девять процентов. — Стас выделил цифру голосом, чтобы никто не пропустил. — На наших объёмах это за год...

Он назвал сумму. Олег Борисович чуть приподнял брови, и Алексей понял, что Стас сейчас выиграет, если ему не мешать.

— Можно я? — спросил Алексей.

— Давай, — разрешил начальник. — Только по делу.

По делу у Алексея была своя таблица, и он два вечера праздников просидел над ней, пока соседи за стенкой жарили шашлык на балконе, что запрещено, и пели под гитару, что не запрещено, но хуже.

— Девять процентов — это цена на входе, — начал он. — А теперь посмотрите на выход.

Он вывел на экран свою таблицу. Столовые бизнес-центров — клиент капризный. В понедельник там обедают все, в пятницу половина работает из дома, в предпраздничные дни столовая пустая, а творог стоит. Холдинг возит раз в неделю, минимальная партия большая, и к четвергу у трёх из пяти клиентов творог уже уходит в списание.

— Мы за прошлый квартал на молочке списали вот столько. — Он показал строчку. — Почти всё — остаточный срок. Холдинг возит из распределительного центра, творог приходит к нам на третий-четвёртый день после производства. У нас клиенты принимают продукт, если остаточный срок не меньше семидесяти процентов. Мы с холдингом каждую неделю ходим по краю.

— А ферма? — спросил Олег Борисович.

— Свежие партии по понедельникам и четвергам, малыми. Творог приходит на следующий день после производства. Фасовка — пять килограммов, как нужно столовым, а не пачки по двести граммов, которые повара режут ножом. Цена выше нынешней на одиннадцать процентов.

— То есть ферма дороже холдинга больше чем на пятую часть, — подхватил Стас. — Если кто-то не умеет считать.

— Умею. — Алексей перелистнул слайд. — Если списания падают хотя бы вполовину, а при двух поставках в неделю они падают сильнее, мы выходим в плюс к четвёртому месяцу. Вот расчёт. Сделан по нашим собственным списаниям, а не по рекламе фермы.

Олег Борисович взял телефон, перевернул его экраном вверх, глянул на что-то и положил обратно экраном вниз. Хороший знак.

— Ферма — это кто?

— Семья под Сергиевым Посадом: Геннадий Степанович и сын. Двести голов, свой цех, все документы, ветеринарные сопроводительные в «Меркурии» оформляют сами, без задержек. Я у них был в марте. Цех чище нашей переговорной.

— Это несложно, — заметил начальник и понюхал воздух. — Опять кто-то ел здесь борщ. Алексей позволил себе улыбнуться. Ему нравилось это совещание. Ему вообще нравилась эта часть работы, о которой никто не пишет в вакансиях: когда ты две недели собирал цифры, звонил, ездил, считал, и вот всё это лежит на столе, и человек напротив начинает думать твоими цифрами вместо своих.

— Риски. — Олег Борисович повернулся к окну. — Зинаида Фёдоровна, что у нас по качеству?

Зинаида Фёдоровна сидела у окна с папкой. Ей было за шестьдесят, она пришла в «ПродЛинию» из большой городской лаборатории, когда лабораторию закрыли, и говорила так, как, наверное, когда-то писала протоколы: полными предложениями, с обстоятельствами места и времени.

— Документы у фермы в порядке, — начала она. — Протоколы испытаний свежие, декларации есть. Меня беспокоит другое. Я посмотрела их логистику. У фермы одна машина с холодильной установкой. Одна. Летом, при жаре, при нашем графике два раза в неделю, если эта машина выйдет из строя...

— Есть резервный перевозчик, — перебил Алексей.

— Я понимаю. Но если и он...

— Всё учтено, Зинаида Фёдоровна. — Он слышал свой голос как будто со стороны, ровный и чуть быстрее нужного. — Анатолий, мой знакомый, у него рефрижератор, он нас уже выручал. Я отвечаю.

— Я хотела спросить, как это оформлено. Договор с ним есть? Машина за нами закреплена? Потому что летом...

— Риски перевозки я учёл, — отрезал Алексей. — Давайте не будем терять время на то, что я уже продумал.

Зинаида Фёдоровна закрыла рот, потом закрыла папку. Не резко. Аккуратно, как закрывают папку, в которой больше нечего читать.

В переговорной стало тихо, и в этой тишине Олег Борисович два раза постучал ручкой по столу.

Алексей отметил, что был резок, — так отмечают в накладной недостачу, которую разберут позже. Сейчас решалось главное.

— Так. — Начальник выпрямился. — Ларин, ты меня почти уговорил. Почти. Делаем испытательную партию. С первого июня, два месяца, понедельник и четверг, три объекта на пробу: «Северный», «Остров» и «Технопарк». Холдинг Стас держит в ожидании, вежливо. Условие одно, и я его сейчас скажу при всех, чтобы потом никто не говорил, что не слышал. Первый же срыв поставки — и контракт уходит холдингу. Срыв — это когда объект утром без творога, а чья машина сломалась, мне неважно. Без разговоров. Мне клиенты дороже твоей коровы на этикетке.

— Согласен.

— И образцы в лабораторию. Зинаида Фёдоровна, сколько вам нужно?

— До пятницы, — ответила она, глядя в окно. — Лучше в четверг.

— Будут, — пообещал Алексей.

Стас собрал свой ноутбук и, проходя мимо, тихо, чтобы слышал только Алексей, сказал:

— Поздравляю. Теперь у тебя корова, два месяца и одна машина.

— Две, — ответил Алексей. — У меня есть резерв.

— Анатолий — это не машина, — уточнил Стас. — Это номер в телефоне.

III

Там же. Кабинет начальника отдела, 13:40.

Олег Борисович вызвал его после обеда, и уже по тому, как он сказал «Зайди на минуту», было ясно, что минута будет длинной.

Кабинет у начальника был стеклянный, с жалюзи, которые он никогда не опускал. Считалось, что так он ближе к людям. На деле это означало, что весь отдел видел, кого он вызывает, и через десять минут знал зачем.

— Садись. Ты в сентябре в отпуске?

— С седьмого по двадцатое. Заявление подписано ещё в феврале. Вами.

— Помню. — Олег Борисович потёр переносицу. — Смотри, какая история. Испытательная партия до первого августа. Если ферма покажет себя, в августе мы её расширяем, в сентябре выходим на все объекты. Сентябрь — это самое горячее. Новые договоры, новые графики. И ты в это время у моря.

— И впервые без рабочего телефона, — уточнил Алексей.

— Может, сдвинешь? На октябрь. В октябре тоже море. Тёплое ещё.

— Осенью в Геленджике дожди, — возразил Алексей. — И у меня оплачен гостевой дом, который я выбирал полтора месяца. С завтраком. Билеты на поезд возьму, как только откроется продажа. Олег Борисович, я четырнадцать лет беру отпуск кусками по неделе, чтобы не мешать графику. Один раз в жизни я взял две недели подряд. В сентябре. Вы подписали.

Начальник разглядывал его, как поставщика, который впервые за много лет не дал скидку.

— Море никуда не денется, — сказал он.

— Я тоже так думал. Четырнадцать лет.

Олег Борисович фыркнул. Не засмеялся, у него это не принято, но фыркнул, и Алексей понял, что воевать не придётся.

— Ладно. Не сдвигаешь. Тогда так: к августу пишешь мне передачу дел. Подробно. По ферме, по холдингу, по каждому объекту. Кто, что, когда, кому звонить, если что-то горит. И чтобы на эти две недели кто-то был в теме, а не я.

— Кто?

— Стас.

Алексей выдержал паузу ровно такую, чтобы не сказать того, что хотелось.

— Он за холдинг.

— Ему всё равно чьё, лишь бы выгодно. Даст ферма выгоду — будет за ферму. Он хоть и язва, но работает. Напишешь ему так, чтобы он не смог ничего испортить, даже если захочет. Ты это умеешь.

Это было почти похвалой, и Алексей решил её не заметить, чтобы не спугнуть.

— К двадцатому августа будет.

— К пятнадцатому.

— Успею.

Он вернулся к себе, надел очки, которые носил только за компьютером и всегда искал на столе, хотя они всегда лежали в одном месте, и открыл почту. Среди двухсот писем, накопившихся за праздники, было одно, которое он перечитал дважды, хотя ничего нового в нём не было: подтверждение бронирования. Гостевой дом в Геленджике, в трёх минутах от набережной. Номер с балконом. Завтрак включён.

Он перечитал строчку «Завтрак включён» и испытал то тихое, почти неприличное удовольствие, какое бывает у человека, когда о нём позаботились за его же деньги. Он представил балкон. Чашку. Море, которое будет там с утра. Никаких звонков. Никаких «Алексей Николаевич, тут такое дело». Две недели, когда никто не будет у него ничего принимать.

Он закрыл письмо и позвонил на ферму.

Геннадий Степанович ответил на пятом гудке, как всегда, и, как всегда, сначала было слышно не его, а коров.

— Алексей Николаевич, — сказал он. Он называл Алексея по отчеству не из вежливости, а потому, что так было принято в его жизни с людьми, с которыми ведут дела. — Ну?

— Испытательная партия. С первого июня. Два месяца, понедельник и четверг, три объекта.

На том конце замолчали. Коровы, кажется, тоже.

— Спасибо.

Это было всё. Алексей ценил в нём именно это. Хозяин фермы был порядочный и немногословный человек, из тех, кто благодарит одним словом, а потом работает так, что тебе не стыдно за свою подпись.

— Условие жёсткое, – предупредил Алексей. – Первый срыв – и всё. Холдинг ждёт за дверью.

— Не сорвём.

— И ещё. В четверг нужны образцы в нашу лабораторию. Творог девять и пять, сметана, кефир. Рома привезёт?

— Будет к одиннадцати, – ответил Геннадий Степанович тоном человека, который ручается не за сына, а за погоду.

IV

Северное Медведково. Вечер того же дня.

Домой он вернулся в восьмом часу. Было ещё светло, черёмуха к вечеру пахла сильнее, словно днём стеснялась, а у подъезда на лавке сидели две пожилые соседки и обсуждали, кто из жильцов поставил машину на газон. По их интонации было ясно, что этот человек уже осуждён, а приговор приведут в исполнение, как только узнают номер квартиры.

Алексей жил в панельной девятиэтажке, в однокомнатной квартире на шестом этаже, которую получил от государства через два года после детского дома. Квартира была небольшая, светлая и аккуратная той аккуратностью, какая бывает у человека, которому никто никогда не говорил убирать, и поэтому он убирал сам. На полке в прихожей стояла чистая банка из-под варенья. В банке лежала одна конфета.

Банку он вымыл ещё в воскресенье, высушил, проверил крышку. Конфету положил вчера: «Мишка на Севере», потому что в прошлый раз был «Красный мак», а в позапрошлый – «Белочка», и повторяться было неправильно. Почему неправильно, он не знал. Эта традиция у них с Валентиной Петровной сложилась сама собой лет шесть назад, когда они были соседями уже лет десять, и с тех пор ни разу не обсуждалась. Она отдавала ему банку варенья. Он возвращал банку пустой, вымытой и с одной конфетой внутри. Она ничего не говорила. Он ничего не говорил. Банки ходили туда и обратно раз в месяц-полтора, как поезда по расписанию, которого никто не составлял.

Он снял куртку, взял банку и позвонил в соседнюю дверь.

Валентина Петровна открыла сразу. Возможно, стояла за дверью и ждала. Ей было восемьдесят лет, она сорок лет проработала поваром в школьной столовой, овдовела, вырастила сына, который теперь жил в Подольске и звонил по праздникам, и считала, что весь подъезд, а желательно и весь район, нужно кормить, воспитывать и ставить на место.

— Лёничка, – сказала она. – Явился.

Его звали Алексей. Она звала его Лёничкой с первого дня, когда он, новый сосед, помог ей занести сумку, и он тогда не поправил её, а потом поправлять стало поздно. Он подозревал, что она его с кем-то путает, может быть, с Леонидом, а может быть, с каким-то мальчиком из её столовой. Поправлять он так и не стал. В конце концов, Лёничкой его не называл больше никто на свете, и это было по-своему ценно.

— Добрый вечер, Валентина Петровна. Я вам банку.

— Вижу. – Она взяла её, повертела, оглядела конфету с видом человека, который видит её впервые, и ничего не сказала. Поставила банку на тумбочку и вынесла из кухни другую, полную, тёмно-красную, тяжёлую и прохладную, будто её держали не на кухне, а в погребе. На крышке была бумажка с надписью «вишня 2025». – На. И не говори, что у тебя ещё есть.

— У меня ещё есть.

— Я сказала, не говори. Ты что ешь вообще? Я тебя вижу утром с кофе, вечером с кофе. Это не еда. Это сухоятка.

— Его хотя бы жевать не нужно, – возразил он.

— Не умничай. Жениться тебе надо.

— Чтобы кто-то другой смотрел, как я пью кофе?

— Нет. Суп варить. Нормальный, на косточке. – Она подумала и добавила: – А то я старая, мне всех не перекормить.

— Вы справляетесь.

— Я-то да, – согласилась она с достоинством. – А ты нет. Вон, на газон опять кто-то машину поставил. Не ты?

— Я пешком хожу.

— Вот и хорошо. Значит, не ты. – Она прищурилась. – Ты в среду через неделю что делаешь?

Он не сразу понял, а когда понял, удивился. Он никогда ей не говорил. Видимо, когда-то сказал, лет пять назад, между делом, а она запомнила, как запоминала дни рождения всех детей своей столовой, хотя те дети уже давно растят собственных детей.

— Работаю.

— А вечером?

— Как получится.

— Придёшь ко мне есть пирог, – объявила Валентина Петровна. – С капустой. И не спорь.

— И не думал.

— Вот и умница. – Она закрыла было дверь, потом снова открыла. – И не опаздывай. Пирог ждать не будет. Пирог тебе не начальник.

Дверь закрылась.

Он постоял немного на площадке с банкой вишни в руках. За дверью было слышно, как она что-то говорит телевизору, строго, тем же голосом, каким говорила с ним.

Дома он поставил банку на кухонный стол и только снял ботинки, как телефон коротко прожужжал.

Сообщение было от Ромы, сына Геннадия Степановича. Рома отвечал на ферме за логику, и у Ромы всегда что-нибудь ломалось. Не по его вине, честно признавал Алексей. Просто есть люди, рядом с которыми техника начинает задумываться о смысле жизни.

«Алексей Николаевич, добрый вечер. Тут небольшая заминка с машиной... Холодильник барахлит, отец говорит до четверга не успеем сделать. Образцы как повезём, не знаю...»

Два многоточия на четыре предложения. Алексей мысленно оценил сообщение как недокомплект информации и одновременно отметил, что Рома хотя бы написал сам, а не стал ждать четверга. Это было уже кое-что.

«Так, – сказал он себе. – Спокойно. Образцы. Четверг. Маленькая партия, ящик, не больше».

Он набрал Анатолия.

Анатолий был человек одной машины. У него была «Газель»-рефрижератор, восемь лет и сто с лишним тысяч километров по подмосковным дорогам, жена, двое детей и твёрдое убеждение, что всё в этой жизни решается звонком, если звонишь вовремя. Алексей когда-то выручил его, найдя ему подработку в тяжёлый год, и с тех пор Анатолий выручал его.

— Лёха. Слушаю.

— Толя, в четверг утром надо забрать ящик образцов под Сергиевым Посадом и привезти к нам на Ярославку. Ящик, не больше. Холод нужен.

— Так... – Анатолий подумал вслух, и было слышно, как где-то рядом у него кричат дети. – Давай. У меня с утра окно, до обеда. Адрес скинешь?

— Скину. И ещё, Толя. С июня у меня ферма, два раза в неделю. У них одна машина. Если что, ты на подхвате?

— Если что, звони, – отозвался Анатолий легко, как говорят о хорошей погоде. – Разберёмся.

— Договорились.

Он отправил адрес Анатолию, написал Роме короткое «Образцы заберёт Анатолий, в четверг до обеда, адрес ему дал. Машину чините», подумал и добавил: «Спасибо, что написали сразу». Рома прислал в ответ смайлик с поднятым пальцем и ещё одно многоточие, уже без слов.

Ситуация была под контролем. Маленькая, понятная, решённая звонком. В понедельник был бы срыв, в четверг – уже нет. Он отложил телефон и почувствовал знакомое удовлетворение человека, у которого на любой случай есть второй вариант.

Он разогрел себе гречку с котлетой, купленной в кулинарии внизу. В котлете хлеба было больше, чем мяса, и всё равно она была вкусная, как вкусна всякая горячая еда после длинного дня. Ужинал он у окна, глядя, как во дворе мальчишки гоняют мяч до темноты, а их матери кричат им с балконов, что темно. Мальчишки делали вид, что не слышат. Матери делали вид, что сердятся. Это повторялось каждый вечер, как его банки с вареньем.

Потом он вымыл тарелку, вытер стол и взял банку вишни. Повертел. «Вишня 2025». Почерк у Валентины Петровны был крупный, учительский, хотя учительницей она не была ни дня.

Он открыл кухонный шкаф и поставил банку на полку, рядом с прошлогодним клубничным, которое ещё не начинал, и малиновым, которое начал.

Полка была почти полной. Он закрыл шкаф.

Глава вторая. Два цветка

I

Москва. 20 мая 2026 года, среда.

Первым его поздравил банк.

Сообщение пришло в семь ноль две, когда он ещё брился: «Алексей, с днём рождения! Пусть этот год будет щедрым. Для вас – особые условия по кредитной карте». Он дочитал до особых условий, хмыкнул и стёр пену со щеки. Пена пахла дешёвой мятой, вода из крана с утра шла ледяная, и он плеснул ею в лицо два раза, как делал каждое утро: холодная вода была единственным будильником, который никогда не опаздывал. Банк знал о нём всё, что нужно банку: дату рождения, номер телефона и то, что кредитной картой он не пользуется. Щедрость банка была рассчитана на человека, которым Алексей не был, и в этом было что-то трогательное, как в открытке, подписанной на чужое имя.

Тридцать семь. Он оглядел себя в зеркале придиричиво, по-хозяйски. Виски седые, но это с двадцати восьми. Под глазами ничего нового. Плечи как плечи.

«Нормально, – сказал он себе. – Партия принята».

Есть люди, которым в день рождения звонит только банк, и они не делают из этого трагедии. Алексей был из них и даже немного гордился этим, как гордятся умением обходиться без того, чего у тебя всё равно нет. Детдомовцы бывают двух видов: одни на всю жизнь остаются голодными до праздников, накрывают столы на тридцать человек и обижаются, если кто-то не пришёл; другие перестают ждать праздников лет в десять и потом всю жизнь ведут себя в свой день рождения так, словно это обычная среда. Он был из вторых. Сегодня и была обычная среда.

Только к вечеру у него было одно дело, которое он делал каждый год, и было ещё приглашение на пирог с капустой, от которого нельзя было отказаться: от пирогов Валентины Петровны не отказывался никто, включая участкового.

На работе о дне рождения знали из календаря в общей программе, где у каждого сотрудника стояла маленькая жёлтая звёздочка. Звёздочку придумала прошлая начальница отдела

кадров, которая верила, что коллектив – это семья, и уволилась через год, разочаровавшись в обоих понятиях. Звёздочка осталась.

К одиннадцати на его столе лежала открытка от отдела. Большая, с воздушными шарами, внутри десяток подписей разными ручками. «С днём рождения! Счастья, успехов, хорошей поставки!» – это от девушки из бухгалтерии, которая выбирала между капучино и латте. «Расти большой. О. Б.» – это начальник, коротко, как резолюция. Внизу, ровным старомодным почерком, без восклицательного знака: «С днём рождения, Алексей Николаевич. З. Ф.».

Он задержался на этой строчке. За неделю после совещания они с Зинаидой Фёдоровной разговаривали два раза, оба раза по делу, оба раза вежливо. Образцы фермы прошли лабораторию без единого замечания; Анатолий привёз их в четверг до обеда, как обещал. Зинаида Фёдоровна подписала протокол и отдала ему лично, сказав «Всё в норме», и ничего больше не сказала. Он тоже ничего не сказал. Извиняться за прошлую неделю было вроде бы уже поздно, а не извиняться – вроде бы ещё рано, и он отложил это туда, где у него лежали все дела без срока.

Открытку он поставил на стол, рядом с монитором.

— Поздравляю, – объявил Стас, возникая над перегородкой. – Держи.

Он положил на стол маленькую коробку. В коробке был калькулятор. Простой, бухгалтерский, с крупными кнопками.

— Это зачем?

— Чтобы ты считал девять против одиннадцати, – объяснил Стас. – Без своих слайдов.

— Я и без него могу.

— Ты доказываешь. Это другое.

Алексей нажал на калькуляторе «9», потом «-», потом «11». Калькулятор показал «-2».

— Видишь. Минус два. Твой холдинг в минусе.

— В ожидании, – поправил Стас. – Вежливым. Как велено. – Он помедлил. – Слушай, а сколько тебе?

— Тридцать семь.

— Хороший возраст. Уже не молодой специалист, ещё не ценный кадр.

— А какой?

— Самый удобный. Тебя никто не трогает. – Стас кивнул на открытку. – Даже Зинаида Фёдоровна подписала. Я думал, после прошлой недели она тебе в чай что-нибудь подсыплет. По протоколу.

— Она не такая.

— Конечно, – согласился Стас и исчез за перегородкой, оставив его с калькулятором и с неприятным ощущением, что Стас, как обычно, отчасти прав.

После обеда Алексей открыл новый файл и назвал его «Передача дел. Ферма». До пятнадцатого августа было почти три месяца, но он любил начинать заранее: документ, начатый в мае, к августу успевает обрасти всем, что в августе уже забудешь. Он написал заголовок, дату и первый пункт: «1. Геннадия Степановичу звонить после девяти утра и до семи вечера, раньше и позже он на дойке. На пятом гудке не класть трубку». Подумал и добавил второй: «2. Если пишет Рома и в сообщении больше одного многоточия, звонить самому». Перечитал, стёр второй пункт, потом вернул. Стас сначала не поймёт, а через неделю с Ромой поймёт сам.

II

Там же. Станция метро «Медведково», около семи вечера.

Цветочный ларёк у выхода из метро работал круглый год, и продавщица в нём была одна и та же, сколько он себя помнил в этом районе. Невысокая, в шерстяной безрукавке поверх чего угодно, с руками, на которых не держался ни один маникюр. Летом она торговала пионами и гладиолусами, осенью астрами, к Восьмому марта выставляла тюльпаны в вёдрах до самого тротуара. А гвоздики у неё были всегда.

— Как всегда? – спросила продавщица, не поднимая головы от ведра, где она что-то подрезала.

— Да.

Он купил две. Красные. В ларьке пахло мокрыми стеблями и холодной водой из вёдер.

Продавщица завернула их в прозрачную плёнку, перевязала ленточкой и взяла деньги. Он кивнул и пошёл к дому. Она сказала ему вслед «Хорошего вечера», как говорила всем, и вернулась к своему ведру. Это его устраивало. Она запомнила, что он берёт, и больше ничего не спрашивала.

Это была не традиция и не ритуал, он не любил этих слов. Это было одно дело в году, которое он делал. Он делал его с девятнадцати лет, с первого своего дня рождения вне детского дома, когда жил в общежитии колледжа, впервые оказался в мае с собственными деньгами в кармане и понятия не имел, что с ними делать. Купил тогда две гвоздики у метро возле общежития, поставил их в банку из-под огурцов на подоконник комнаты на четверых и весь вечер разглядывал их, как что-то, что объяснить нельзя, но и выбросить жалко. Соседи по комнате решили, что у него свидание, и он не стал их разубеждать. С тех пор так и повелось, а когда он получил квартиру здесь, ларёк у «Медведкова» стал его ларьком.

Дорогой он разговаривал с родителями.

Не вслух, конечно. Вслух он разговаривал только с поставщиками, начальником, соседкой и изредка с телевизором, когда там объясняли, почему подорожало молоко. А с родителями он разговаривал так, как разговаривают сами с собой, только чуть иначе: не «я думаю», а «вот смотри».

С матерью было проще. Ей он жаловался. На мелочи, на бытовое, на то, что никому другому не расскажешь, – смешно. «Мам, у меня опять кран капает. Третий раз меняю прокладку, а он капает. Ты бы, наверное, сообразила, что делать». Или: «Мам, на работе одна женщина, я её обидел. Не сильно. Но обидел. Она умнее меня в своём деле, а я её перебил. Ты бы сказала, что я дурак. И правильно бы сказала».

Отцу он задавал вопросы. Шутливые, мужские, такие, на которые не обязательно отвечать. «Пап, вот скажи. Ты бы взял ферму или холдинг? Я знаю, что ферму. Ты бы, наверное, сам коров держал». Или: «Пап, ты умел свистеть? Я не умею. Всю жизнь пробую, не выходит. В детдоме все умели, а я нет. Думаю, это у меня от тебя».

Последний вопрос он задавал отцу лет с восьми и до сих пор не понимал, почему именно этот. Были вопросы поважнее. Но этот почему-то держался, как старая песня, которую не любишь, а помнишь наизусть.

Он знал их имена. Николай и Ольга. Из свидетельства о рождении, которое лежало среди выданных при выпуске документов: паспорта, полиса и папки бумаг, где было много печатей и мало слов. Отчество у него было от отца, фамилия от обоих. Больше ему не было известно ничего, и узнавать он не стал.

Лет в двадцать пять, в обычный вечер, он однажды набрал в поисковике «Ольга Ларина» и закрыл вкладку, не дождавшись результатов. Закрыл быстро, как отдёргивают руку от горячего, и ещё минуту сидел перед пустым экраном и злился на себя, сам не зная за что: то ли за то, что набрал, то ли за то, что закрыл.

Больше он не набирал.

Они от него отказались, когда он был совсем маленький. Это он усвоил так давно, что не помнил, когда узнал. Знание было старое, гладкое, как камешек, который долго носишь в кармане. Где они теперь, живы ли, есть ли у него братья и сёстры, почему так вышло – это были вопросы, которые он себе не задавал. Не потому, что не хотел знать. Потому, что любой ответ оказался бы хуже, чем то, что было сейчас: две гвоздики в руке и разговор, в котором можно было говорить что угодно и никто не перебивал.

«Отказались – и ладно, – давно сказал он себе. – Что с ними потом, не моё дело».

Сказал и с тех пор повторял, когда нужно было.

Во дворе на детской площадке скрипела старая карусель с облупившимися жёлтыми сиденьями. Он ни разу не видел, чтобы кто-нибудь катался на ней дольше минуты: она тормозила сама, со скрежетом, как пожилой человек, которого заставили танцевать. Двое малышей в одинаковых куртках раскручивали её изо всех сил, их мать сидела на лавке с телефоном и время от времени говорила «Осторожно», не отрываясь от экрана. Малыши были осторожны ровно до следующего «Осторожно».

Алексей прошёл мимо, придерживая гвоздики, чтобы не помять, и малыши проводили его взглядом: взрослый мужчина с цветами в среду вечером был для них зрелищем почти таким же интересным, как карусель.

Во дворе цвела черёмуха. Холода, обещанные соседками с лавки, так и не пришли, и черёмуха цвела зря, но не обижалась.

III

Воспоминание. Подмосковье, детский дом, 1990-е.

В детском доме дни рождения отмечали по месяцам. Раз в месяц, в последнюю пятницу, всех, кто родился в этом месяце, выстраивали в столовой, вручали по яблоку и по шоколадке, повара выносила один большой пирог на всех, а директор говорил речь, всегда одну и ту же, про то, что все они – одна большая семья. Майских было обычно человек пять. Алексей помнил, как стоял в этом ряду лет в семь, с яблоком в одной руке и шоколадкой в другой, и не соображал, куда девать обе руки сразу. Шоколадку он тогда отдал Витьке из своей группы, у которого день рождения был в декабре, а до декабря, по мнению Витьки, было не дожить.

Яблоко съел сам. Оно было зелёное, кислое, с такой тугой кожурой, что от первого укуса сводило скулы. Яблоки он любил и теперь.

Тогда он ещё ждал.

Не каждый день, а так, фоном, как ждут автобус, который ходит по непонятному расписанию. Новеньким он говорил, что мама его оставила, но она придёт. Говорил это спокойно, без слёз, как сообщают адрес. Новенькие верили: почти у каждого была такая же история или похуже. Воспитательницы слышали и ничего не говорили. Одна, Нина Ивановна, пожилая и строгая, однажды услышала, как он говорит это мальчику из нового набора, задержала на нём взгляд, хотела что-то сказать и не сказала. Только погладила по голове, чего никогда не делала. Он тогда удивился и запомнил. Объяснения не искал.

К десяти годам ждать он перестал. Как-то незаметно, без решения, как перестают расти зубы. Просто однажды поймал себя на том, что не смотрит на ворота, когда к кому-то приезжают.

Из того, что было до детского дома, он не помнил почти ничего. Говорили, что до четырёх лет он жил в доме ребёнка в Москве, но Москву того времени он не помнил вовсе. Оставалось несколько пятен. Кафельная стена, белая, холодная, к которой он прижимается щекой, и это почему-то приятно. Запах кипячёного молока с пенкой, которую все дети ненавидели, а он ел. И голос. Женский голос сверху, над головой, который что-то говорит. Слов он не помнил. Помнил только, что после этих слов стало холодно, как от кафеля, но неприятно.

Чей это был голос, он не ведал. Думал иногда, что это просто сон, перепутанный с жизнью, как бывает у маленьких.

Цвета он тоже придумал в детдоме.

Лет в шесть воспитательница раздала всем альбомы и сказала нарисовать свою семью. Половина группы нарисовала маму, вторая половина нарисовала маму и папу, хотя ни у той, ни у другой половины ни мам, ни пап не было. Это никого не смущало. Алексей нарисовал маму в синем платье. Подумал и спросил у неё, у нарисованной, какой цвет она любит. Ответа, понятное дело, не было. Тогда он решил сам: синий. Если бы она любила другой, она бы сказала.

Платье так и осталось синим. А папу он тогда не нарисовал: не представлял, как рисуют пап, и боялся нарисовать неправильно. Нарисовал только руку, высоко, у края листа, будто папа стоит рядом, просто не поместился.

Воспитательница похвалила рисунок за аккуратность и повесила на стенд. Через неделю рисунки сняли и раздали обратно. Свой он потом потерял при переезде из одного корпуса в другой и не жалел. Он помнил его и так.

Свистеть он так и не научился. Все пацаны в детдоме свистели: в два пальца, сквозь зубы, по-соловьиному, по-милиейски. Витька свистел так, что воспитательница на втором этаже роняла журнал. Алексей пробовал годами. Выходило только шипение, как у сдувающегося мяча. Его дразнили, потом перестали, потом он сам начал над этим шутить, и шутка оказалась надёжнее свиста. Шутить он научился лучше всех в группе.

Тогда же, лет в восемь, он и спросил отца. Мысленно, вечером, перед сном, когда в спальне все уже сопели, а ему не спалось. «Пап, а ты умел свистеть?»

Отец не ответил. Он вообще никогда не отвечал. Но с тех пор Алексей был уверен, что отец не умел, и что это у них общее, и что если бы отец был рядом, они бы вместе над этим посмеялись.

Это была единственная семейная черта, в которой он был уверен. Была ещё одна черта, уже своя, без семьи: чутьё. В девять лет он слез с ржавой пожарной лестницы за день до того, как от неё отвалился верхний пролёт, а в двадцать два обошёл тёмную арку в чужом дворе, сам не зная зачем. Никому он об этом не рассказывал. Просто знал про себя, что иногда ему говорят «назад» изнутри, и слушался.

IV

Северное Медведково. Тот же вечер.

Гвоздики он оставил дома, в раковине, прямо в плёнке, и только потом пошёл к соседке.

Валентина Петровна встретила его в фартуке поверх выходного платья, что было высшей степенью торжественности. Из квартиры пахло жареным луком, горячим тестом и ещё чем-то, чему он не знал названия и что бывает только в квартирах, где пекут сорок лет.

— Явился. Вовремя. Молодец. Разувайся. Нет, не разувайся, у меня полы холодные. Разувайся, тапки вон.

Тапки стояли у двери, мужские, большие, явно из прошлой жизни, когда в этой квартире жил ещё её муж. Алексей надел их и почувствовал себя одновременно гостем и наследником.

Пирог стоял на столе в большой комнате, под полотенцем, как невеста под фатой. Рядом – селёдка под шубой, тарелка с солёными огурцами, хлеб в плетёной хлебнице и бутылка домашней наливки, которую Валентина Петровна называла «лекарственной».

— Я ненадолго, – сказал Алексей.

— Это ты начальнику своему скажешь. Садись.

Он сел. Она сняла полотенце с пирога, и пирог оказался таким, каким бывают пироги только в одном месте на свете – у человека, который сорок лет пёк на четыреста детей и так и не научился печь на двоих.

— Ешь, – распорядилась она. – Тебя там не кормят.

— Это где же?

— Везде, – отрезала Валентина Петровна, которая не уточняла географию, когда речь шла о еде. – Ешь.

Она налила по рюмке «лекарственной», себе на доньшко, ему побольше, и встала. Тост был недлинный. Валентина Петровна не любила длинных тостов: за длинными тостами остывает горячее.

— Ну, Лёничка. С днём рождения. Чтобы у тебя всё было. А чего не было – чтоб появилось. И чтоб ты меня слушался. Всё.

— Коротко, – заметил он.

— Остальное сам допридумаешь. Ты умный. Пей.

Он выпил. Наливка оказалась крепче, чем выглядела, и лекарственной в ней было разве что то, что после неё действительно ничего не болело.

Пирог был горячий, с капустой и яйцом, тесто тонкое, края подрумяненные, а капуста внутри сладкая, как бывает только у тех, кто не жалеет на неё масла. Он съел кусок и понял, что голоден так, как не был голоден давно, может быть, с детства. Взял второй. Валентина Петровна наблюдала за ним с выражением повара, который видит, что его труд не пропал.

— Вот. А говоришь, сухомытка.

— Я такого не утверждал.

— Зато я права.

Посреди второго куска у неё зазвонил телефон. Она глянула на экран, и лицо у неё на секунду изменилось: не смягчилось даже, а распрямилось изнутри.

— Сын, – сказала она, словно извиняясь, и ответила: – Да, Серёжа. Да. Нормально. Нет, не болит. Ну, немножко болит, а у кого не болит в восемьдесят. У меня гость. Сосед. Да, тот самый. День рождения у него. Пирог. С капустой. Ну, конечно, с капустой, а с чем ещё. Ты-то как? А Наташа? А маленький?

Алексей ел пирог и старался не слушать, но слушал. Разговор был короткий, минуты три, из вопросов и ответов, в которых ничего не происходило, и в этом «ничего» было всё, что Валентина Петровна ждала от сына неделями. Она спросила про работу, про машину, про то, тепло ли там у них, хотя Подольск был в сорока километрах и погода там была та же. Сын, судя по всему, отвечал односложно. Она не обижалась. Или делала вид.

— Ну всё, всё. Не трать деньги. Целую. Позвони в выходные. – Она отложила телефон, подержала его в руке и перевела взгляд на Алексея. – Звонит. Не забывает.

— Хороший сын, – сказал он.

— Занятой он. Работа у него. Ответственная. – Она помолчала и вдруг сменила тему так резко, как переворачивают блин. – А ты чего ждёшь? Тебе тридцать семь. Я в тридцать семь уже сына в школу отвела.

— Когда вы меня женить перестанете.

— Не дождёшься. – Она налила ему ещё «лекарственной». – Я тебя ещё на свадьбе за руку держать буду. Как соседка. Имею право.

Он поднял рюмку, чтобы не отвечать.

Валентина Петровна села напротив, подпёрла щёку рукой и некоторое время смотрела, как он ест. В квартире тикали часы на серванте, старые, с маятником, и в их тиканье было что-то от её голоса: строго и без пропусков.

— Мать бы твоя порадовалась, – сказала она вдруг тише. – Какой ты вырос.

Он отложил вилку. Не резко, просто отложил.

— Наверное, – сказал он.

Валентина Петровна посмотрела на него внимательно, тем взглядом, каким на кухне смотрят, не пригорело ли, и ничего больше не спросила. Про его детдом она знала с первого дня: квартиру от государства в их доме получили трое, и подъезд это помнил. Но за все эти годы она ни разу не спросила, где его родители и почему. Это было, наверное, самое деликатное в этой громкой женщине, и он это ценил больше пирога.

— У меня мать тоже рано ушла, – сказала она, глядя на маятник. – Мне двенадцать было. Пятьдесят восьмой год. Нас четверо осталось. Я старшая. Вот тогда и научилась готовить. На всех.

— И справлялись?

— Сначала на своих. Потом на четыреста. – Она махнула рукой. – Потом расскажу. Ешь, а то остынет.

Пирог остывал медленно, как всё хорошее, но он доел.

Ушёл он в десятом часу. Уйти раньше, чем она завернёт ему пирог с собой, он не успел: пирог она заворачивала ещё с середины вечера, тайно, на кухне, и вынесла уже готовый, в фольге, на тарелке, накрытой второй тарелкой.

— Тарелку вернёшь, – напомнила она. – Вымытую.

— Обязательно, – пообещал он.

Про конфету никто не сказал ни слова.

Дома было тихо. Он поставил тарелку с пирогом на кухонный стол, разделся, вымыл руки и только тогда развернул гвоздики. Цветы немного помялись в плёнке, но были живые и пахли тем сухим, чуть перечным запахом, каким пахнут только гвоздики.

Он налил воды в высокий стакан, подрезал стебли ножом наискосок, как учила когда-то воспитательница на уроке труда, и поставил гвоздики на подоконник. Две. Красные. На фоне тёмного стекла, за которым горели окна соседнего дома.

Он вымыл чашку и, вытирая её, напевал что-то себе под нос. Мотив был без слов, простой, из нескольких нот, которые повторялись по кругу, как колёса поезда. Он не помнил, откуда его знает. Он вообще не замечал, что напевает. Напевал он всегда, когда был спокоен или сосредоточен, и никто никогда не спрашивал, что это за песня. Рядом никого не было.

Он вытер руки и сел на табуретку у подоконника, напротив гвоздик.

«Ну что, пап, – сказал он. – Тридцать семь».

Отец, как обычно, не ответил.

Алексей сложил губы трубочкой и попробовал свистнуть. Вышло шипение. Он попробовал ещё раз, старательнее, как учил его когда-то Витька: язык к нижним зубам, воздух через середину. Шипение получилось длиннее и с присвистом в конце, почти похожим на настоящий.

Почти. Он засмеялся, сам себе, в пустой кухне, и пошёл спать.

Глава третья. Ничего серьёзного

I

Москва. Июнь 2026 года.

Первая поставка с фермы пришла в понедельник, первого июня, в шесть сорок утра, на двадцать минут раньше графика. Рома позвонил с разгрузки «Северного» таким голосом, каким сообщают о рождении ребёнка.

— Алексей Николаевич, стоим. Приняли. Повар сказал, творог как у бабушки.

— Чьей именно?

— Не уточнял. — Рома прикинул что-то. — Но сказал хорошо.

Июнь вышел таким, каким выходит редкий месяц в закупках: всё шло по плану, и от этого было немного не по себе, как от тишины в квартире, где обычно шумят. Ферма возила в понедельник и в четверг, малыми партиями, творог приходил на следующий день после производства, повара в трёх столовых перестали резать его ножом из двухсотграммовых пачек и, как доложил Рома, перестали ругаться. Списания на трёх объектах за первые три недели упали больше чем вдвое. Алексей вносил цифры в свою таблицу каждую пятницу и каждую пятницу любовался ими с удовольствием, которое старался не показывать.

Олег Борисович, увидев таблицу за вторую неделю, сказал «Так» и перевернул телефон экраном вверх, что означало конец разговора. Увидев таблицу за третью, ничего не сказал, но и телефон переворачивать не стал.

Устал он к концу месяца сильнее, чем рассчитывал.

Это было понятно. Две поставки в неделю — это два ранних утра, когда в пять двадцать надо быть на связи, потому что машина выезжает с фермы в пять, а Рома, хоть и стал за месяц надёжнее, всё равно иногда писал с многоточиями. Это вечера над передачей дел, которая разрослась до восемнадцати страниц. Это жара: в конце июня пришла жара, сухая, ранняя, какой Москва не помнила лет пять, и в офисе кондиционер работал так, словно сам был на испытательном сроке.

Человек вообще охотно объясняет своё тело своей жизнью. Болит спина – значит, неудобный стул; не хочется есть – значит, жарко; просыпаешься в четыре утра – значит, нервы, работа, голова занята. Объяснение всегда находится, и обычно оно верное, и именно поэтому люди так ему доверяют. Тело говорит на языке, которого человек не учил, а жизнь на языке, который он знает с детства, и он переводит одно на другое, не замечая, что перевод вольный.

Есть стало не хотеться в середине июня. Не то чтобы совсем, а как-то без интереса. Он сиделся обедать, съедал половину и понимал, что дальше не хочет. «Жара», – решил он, и это было правдой: в жару никто ничего не хочет. Еда стала какой-то бумажной. Котлета из кулинарии внизу была та же, что всегда, а во рту оказывалась картонной; кофе горчил, хотя банка была та же самая.

К концу июня по ночам стало ныть под ложечкой и в спине, тупо, будто кто-то положил туда холодный камень и забыл забрать. Ныло не всегда, к утру проходило. Он грешил на матрас. Матрасу было девять лет, он был куплен на первую премию и с тех пор ни разу не переворачивался, как и его хозяин в некоторых вопросах.

Новый матрас он поехал выбирать в субботу, в большой магазин у МКАД, и провёл там полтора часа, которых потом не мог себе простить. Продавец, молодой человек с бейджем «Эксперт сна», лёг на каждый из шести матрасов по очереди, чтобы показать разницу, и на каждом лежал с выражением глубокого духовного опыта.

— Вот этот, – сказал «эксперт сна», приподнимаясь на локте, – для тех, кто много думает перед сном.

— А если я просто сплю?

— Таких не бывает, – уверенно ответил молодой человек. – Вы просто ещё не нашли свой матрас.

Алексей купил средний, без философии, со скидкой за то, что заберёт сам. Две ночи спал на нём хорошо. На третью опять ныло.

— Ты похудел, – сказала Валентина Петровна в конце июня, принимая у него банку. – Одни глаза остались.

— Жара.

— Лето у всех. А похудел ты один.

— Я много хожу.

— Ты работаешь, – уточнила она. – Это разные вещи. Работа – это сидеть. Прогулка – это когда идёшь куда-то без дела.

Он засмеялся. Она нет.

II

16 июля 2026 года, четверг.

Рома позвонил в пять сорок одну.

Алексей проснулся на первом гудке, как просыпаются люди, у которых полтора месяца утро начинается с телефона, и уже по тому, что звонок был, а не сообщение, понял: плохо. Сообщения Рома писал, когда было неприятно. Звонил, когда было очень хорошо или очень плохо. Для хорошего было слишком рано.

— Алексей Николаевич. Холодильник встал. Совсем. Компрессор. Отец говорит, не вытянем, нужна деталь, а её только в Мытищах, а там с девяти.

— Машина загружена?

— Да. Стоит. Я двери открыл, чтобы не... Ну, чтобы не задохнулось. Но там уже тепло будет, сегодня тридцать один обещают.

— Выгружай обратно в камеру на ферме. Сейчас. Я перезвоню.

Пункт первый был Анатолий.

Анатолий ответил на четвёртом гудке, и по звуку Алексей сразу понял, что тот не в Москве: в трубке шумело, ехало, ухало, где-то рядом проходила фура.

— Лёха. Слушаю.

— Толя, ферма встала. Холодильник. Можешь сейчас под Посад?

Пауза в трубке была короткой, но в ней уместилось всё.

— Лёха, я под Чебоксарами. Со вчерашнего обеда. Взял рейс на Казань, хороший, до понедельника. Ты бы вчера сказал...

— Не о чем было. Всё ехало.

— Ну, – протянул Анатолий виновато, как говорят люди, которые ни в чём не виноваты. – Я ж не знал. Ты ж говорил: если что, звони. Я и думал: если что.

Это было правдой. Алексей говорил «если что». Анатолий отвечал «разберёмся». Никто ничего не подписывал, никто ни за кем не закреплял машину, никто не платил Анатолию за то, чтобы его «Газель» стояла в Медведкове в готовности, пока сам он берёт хорошие рейсы на Казань. Резерв был, и резерва не было. Он был словом, а слово уехало под Чебоксары.

Зинаида Фёдоровна спрашивала, как это оформлено. Алексей вспомнил это мгновенно и с такой ясностью, словно она стояла сейчас рядом с его кроватью со своей папкой. Он отложил это воспоминание туда же, куда в мае отложил извинение, и набрал диспетчерскую службу.

Свободный рефрижератор нашёлся в десятом часу. Он ехал из Подольска, обещал быть на ферме к часу и стоил в два раза дороже обычного, потому что сегодня рефрижераторы были нужны всем: жара. Алексей согласился сразу: впервые за четырнадцать лет он не торговался. Затем обзвонил три столовые.

«Северный» и «Остров» остались без творога на завтрак и на обед. Шеф «Острова», пожилой и обычно добродушный, который ещё в июне говорил о ферме с нежностью, теперь говорил о ней так, как говорят о бывшей жене. «Технопарк» Алексей закрыл старыми остатками со склада, творогом от холдинга, которого там оставалось на один день. Повёз их молодой водитель Дима.

К обеду всё было закрыто, кроме главного: поставка сорвалась.

Олег Борисович вызвал его в три.

Жалюзи в кабинете, как всегда, были подняты, и весь отдел видел, как Алексей вошёл. Стас за своей перегородкой поднял голову и сразу её опустил.

— Ну. – Телефон лежал экраном вверх. – Рассказывай.

Алексей рассказал. Коротко, по пунктам, как привык. Холодильник. Компрессор. Анатолий под Чебоксарами. Диспетчерская. Подольск. Два объекта без поставки, один закрыт остатками.

— А «Технопарк»?

— Закрыли со склада. Немного задержались с выездом, Дима выехал на двадцать минут позже, чем планировали, и путевой лист у него был оформлен не на тот маршрут. – Алексей говорил ровно, глядя в стол. – Пришлось переоформлять уже в дороге. Это тоже съело время.

Всё это было правдой. Дима действительно выехал на двадцать минут позже: искал тележку, которую кто-то утащил на другой этаж. Путевой лист ему действительно выписали не на тот маршрут: выписывал диспетчер склада, торопился. На то, что «Северный» и «Остров» остались без творога, это не повлияло никак. «Технопарк» получил своё вовремя, даже с запасом.

Но Алексей сказал это так, что в кабинете на секунду повисло: срыв – это сложилось. Не он один. Цепочка. Кто-то на складе тоже.

Он сам слышал, как это прозвучало. Слышал и не поправил.

Дима, как назло, стоял в дверях: принёс начальнику акт приёмки, подписанный «Технопарком». Худой парень лет двадцати двух, в серой форменной куртке, с мокрыми от жары волосами. Он всё слышал. Он ничего не сказал. Положил акт на край стола, развернулся и вышел, тихо прикрыв за собой стеклянную дверь.

Алексей не посмотрел ему вслед.

— Ладно, — сказал Олег Борисович, и по этому «ладно» было ясно, что ничего не ладно. — Склад отдельно разберём. С фермой так: я условие ставил при всех. Первый срыв — контракт уходит. Срыв был. С первого августа объекты переходят холдингу. Стас подготовит. Тебе — замечание в приказе. Не выговор, замечание. Скажи спасибо, что «Технопарк» не встал.

Алексей промолчал.

— И ещё. — Начальник поколебался. — Ты как вообще? Выглядишь как человек на испытательном сроке. И не проходишь.

— Жара.

— Ага, — отозвался Олег Борисович, глядя на него поверх телефона. — Иди.

Он вышел. Стас поднялся навстречу из-за перегородки, и Алексей приготовился к «я же говорил», но Стас сказал другое:

— Я тебе калькулятор дарил.

— Помню.

— Он не помог?

— Он не о том считал.

Стас помолчал.

— Холдинг — это не конец света, — произнёс он наконец. — Это просто холдинг. Ферме я напишу сам. Вежливо.

— Сам с ними поговорю.

— Как хочешь. — Стас вернулся за перегородку, потом снова поднял голову. — Ларин. Ты правда похудел. Это я не про работу.

Геннадия Степановичу Алексей позвонил вечером, из дома.

Тот выслушал всё молча, только один раз переспросил: «С первого?», а потом сказал:

— Понял. Наша вина.

— Не только ваша.

— Машина наша, — возразил Геннадий Степанович. — Компрессор наш. Вы за нас поручились, а мы подвели. Спасибо вам, Алексей Николаевич. Вы много для нас сделали.

Он не жаловался и не просил. От этого было хуже, чем если бы он кричал.

Диму Алексей на следующий день встретил у лифта. Дима посторонился, пропуская, и сказал «Здравствуйте» так же, как говорил всегда. Алексей ответил «Здравствуй» и вошёл в лифт. Двери закрылись. Пока лифт шёл на четвёртый этаж, Алексей думал о том, что надо бы сказать парню что-нибудь, и что сказать, собственно, нечего, и что всё равно надо бы. Лифт приехал. Он вышел и пошёл к себе.

Об этом они так и не заговорили.

III

Конец июля — начало августа 2026 года.

К двадцатым числам июля ремень пришлось застегнуть на новую дырку, которую он проковырял шилом. Ремень он объяснил себе жарой. Рубашку объяснить было труднее: любимая, серая, в мелкую клетку, вдруг стала сидеть свободно в плечах, словно её постирали на высокой температуре, только наоборот. Встал на весы, которые жили под ванной и выходили оттуда два раза в год, и весы показали на семь килограммов меньше, чем в феврале.

«Жара», — сказал он себе по привычке и сам себе не поверил.

Жара к тому времени уже ушла. В Москве шли дожди, по-осеннему ранние, с запахом мокрого асфальта, а есть всё равно не хотелось. От запаха чужой рыбы, которую кто-то разогревал на офисной кухне, его стало мутить, хотя раньше он этого запаха даже не замечал. По ночам ныло. Иногда он просыпался в четыре и до шести лежал, слушая, как за окном начинает гудеть МКАД, сначала редко, потом всё гуще, точно город набирает дыхание.

Сдался он не сам. Сдала его Валентина Петровна.

— Ты к врачу ходил? — спросила она, перехватив его на площадке в пятницу вечером.

— Зачем?

— Ты серый. Как штукатурка. – Она поставила сумку на пол, что делала только для серьёзных разговоров. – Я сорок лет детей кормила. Я по лицу вижу, кто болеет. Ты болеешь.

— Я просто вымотался.

— От этого спят, – отрезала она. – А ты не спишь, я слышу, как ты в четыре воду наливаешь. У тебя трубы в мою стенку.

Он не нашёл, что ответить. Это было так неожиданно, что он засмеялся.

— Не смейся. В понедельник идёшь. Я проверю.

В понедельник, двадцать седьмого июля, он пошёл в поликлинику.

Поликлиника встретила его так, как встречает всех: очередью к терминалу, который выдавал номерки, и пожилой женщиной, которая уверяла терминал, что у неё назначено. Терапевт, усталая женщина его лет, с короткой стрижкой, выслушала его, потрогала живот, задала вопросы и с каждым ответом становилась всё внимательнее. Он отметил это и не понял, что отметил.

— Направлю вас на УЗИ и анализы. – Она уже писала. – Не откладывайте. Лучше завтра.

— Это что-то серьёзное?

— Пока ничего не известно, – ответила она очень ровным голосом. – Поэтому и УЗИ.

УЗИ было в среду. Врач УЗИ, мужчина с седой бородкой, долго водил датчиком у него под рёбрами, слева, потом справа, потом снова слева, замирал, нажимал, просил не дышать. Ничего не говорил. Только в конце сказал, не глядя на него:

— Я вам напишу заключение, отнесите терапевту сегодня же. И сделайте КТ. Если сможете, быстро. Платно быстрее.

Платно было быстрее. КТ ему сделали в четверг, в частном центре у «Свиблова», в белой комнате с машиной, похожей на огромный бублик, который гудел и говорил женским голосом: «Вдохните. Не дышите. Дышите». Он лежал внутри бублика и думал, что за свои деньги имеет право хотя бы на мужской голос.

В пятницу его направили в онкологический центр при больнице. Слово «онкологический» он прочитал на направлении и сразу перестал его читать, как перестают смотреть на чужую рану.

В понедельник, третьего августа, в центре ему сделали биопсию: иглой, под местным обезболиванием, взяли из печени столбик ткани. Врач объяснил, что так надо: подтвердить, что именно это такое. «Без гистологии мы ничего не можем утверждать, – сказал он. – С гистологией сможем». Алексей запомнил слово «гистология» и потом несколько раз проговорил его про себя, как новое слово из чужой профессии.

Перед биопсией надо было заполнить анкету.

Анкета была на трёх листах. Фамилия, имя, отчество. Дата рождения. Адрес. Он писал быстро, как писал всегда, разборчиво и без помарок, и дошёл до графы «Контактное лицо (родственник)».

Ручка остановилась.

Он поставил прочерк.

Следующая графа: «Семейное положение». Он написал «холост».

«Сведения о родителях». Вопрос был, наверное, медицинский: наследственность, болезни. Какие у них были болезни, ему было неизвестно, как и всё остальное о них.

Он поставил прочерк.

И тут, без всякой связи, с той ясностью, с какой иногда возвращаются вещи, которые ты давно положил в самый дальний ящик, он вспомнил лето две тысячи седьмого.

Ему было восемнадцать. Он только вышел из детского дома, у него были паспорт, полис, аттестат и папка с бумагами, которые ему выдали при выпуске. Нужно было оформить пенсию:

ему полагалась пенсия, он не понимал толком, какая и почему, взрослые всю жизнь оформляли её за него. В пенсионном фонде женщина за стеклом нашла его дело, постучала по клавиатуре и сказала: «Так, у вас пенсия по случаю потери кормильца, продлеваем до двадцати трёх, если учитесь».

Он прочитал эти слова на бланке.

«По случаю потери кормильца».

К кому это относится, к одному из них или к обоим, на бланке не было сказано. Что значат эти слова, он, конечно, понимал, но не позволил им сложиться во что-то, что можно было бы понять. Расписался, взял бланк и вышел.

А через неделю пошёл в отдел опеки, где хранились бумаги о нём. Зачем пошёл, он тогда не сформулировал. Отдел был на первом этаже старого здания, в конце коридора, и на последней двери висела табличка «Архив». Он дошёл до этой двери. Постоял перед ней. Дверь была крашеная, бежевая, с облупившейся ручкой, и из-под неё тянуло холодом, как из подвала.

Он развернулся и ушёл.

Он не помнил, что почувствовал тогда. Помнил только, что за этой дверью могло лежать всё сразу: и то, что они живы, и то, что нет, и то, что они его бросили, и то, что не бросали. Любой ответ отнимал у него все остальные. Пока дверь была закрыта, у него были все. Он ушёл, чтобы оставить себе все.

С тех пор он об этих словах не думал. Совсем. Это было нетрудно: жизнь была плотная, работа, квартира, потом банки с вареньем.

И вот теперь, над анкетой онкологического центра, эти слова вернулись к нему впервые за девятнадцать лет. Вернулись, и он сразу отодвинул их обратно.

Он перевернул лист и подписал согласие на биопсию.

IV

11 августа 2026 года, вторник.

Онколог был моложе него. Лет тридцать пять, высокий, в очках без оправы, с аккуратной бородкой и привычкой говорить, глядя прямо в глаза, как будто кто-то когда-то объяснил ему, что так правильно, и он выучил это, как выучивают дозировки.

Он разложил на столе бумаги: заключение КТ, результат биопсии, анализы. Положил на них ладонь, словно придерживая, чтобы не разлетелись.

— Алексей Николаевич. Я буду говорить прямо. Вы взрослый человек, и вам нужно знать, чтобы принимать решения.

— Давайте.

— У вас опухоль поджелудочной железы. Тело и хвост. Гистология подтвердила: это злокачественная опухоль, аденокарцинома. И есть очаги в печени. Метастазы.

Алексей кивнул, сам не понимая зачем, как кивают поставщику, который называет цену.

— Что это значит? – спросил он. – По пунктам.

Онколог чуть приподнял брови: видимо, по пунктам его просили нечасто.

— Хорошо. Первое: операция в вашей ситуации невозможна. Метастазы в печени означают, что болезнь уже не местная. Операция по удалению опухоли не даст результата. Второе: есть химиотерапия. Она может замедлить болезнь. Может уменьшить симптомы. Переносится тяжело. Обсудим схему. Третье... – Он чуть замедлился. – Третье: вам нужно знать, что эта болезнь в такой стадии, как правило, не излечивается.

— Сколько?

— Я не люблю называть сроки. Течение индивидуальное.

— Я понимаю. Сколько?

Онколог снял очки, протёр их краем халата и надел обратно. Это заняло секунды три, и Алексей запомнил эти три секунды точнее, чем всё, что было сказано потом.

— Месяцы, – сказал онколог. – Без лечения – меньше. С лечением, если оно подействует, – больше. Я не могу сказать вам точнее. Никто не может.

Алексей ничего не ответил.

Слово было обычное. Он сто раз писал его в договорах: «на срок шесть месяцев», «в течение трёх месяцев». Месяцы – это срок поставки. Срок испытательной партии. Срок, после которого творог уходит в списание. Это слово стояло у него перед глазами, и он видел его так ясно, как видят этикетку на йогурте в магазине у метро.

Онколог ещё что-то говорил: про химиотерапию, про первую консультацию в четверг, про то, что нужно не оставаться одному, про психолога при центре, про обезболивание, если ночами станет хуже. Алексей слушал и что-то отвечал. Ответы, видимо, были правильные: онколог кивал.

— У вас есть кто-то? – спросил онколог в конце. – Родственники, близкие. Вам сейчас лучше не быть одному.

— Есть. – Он вспомнил Валентину Петровну, понял, что сказал неправду, и не стал исправлять.

Он вышел в коридор.

Коридор был длинный, с ровным рядом пластиковых стульев вдоль стены, светло-голубых, скреплённых по четыре на общей перекладине. На стульях сидели люди. Немолодая пара держалась за руки и не разговаривала. Женщина в платке, с толстой папкой на коленях. Мужчина, похожий на учителя физкультуры, уставился в одну точку на противоположной стене. Все ждали. Над дверями кабинетов горели номера. Пахло хлоркой и кофе из автомата у лифта; автомат щёлкал каждые несколько минут, выдавая кому-то стаканчик.

Он сел на свободный стул в конце ряда. Рядом был ещё один свободный. Он хотел поставить на него сумку, как ставил всегда, в метро, в электричке, в очереди к терминалу, чтобы освободить руки.

И не поставил.

Сумка осталась у него на коленях. Он не понял почему. Просто не захотел ставить её на этот стул, как не хочется ставить сумку на стул, на котором только что кто-то сидел и ещё не ушёл. Хотя никто на нём не сидел. Стул был пустой, светло-голубой, с царапиной на спинке.

Сколько он так просидел, сказать бы не смог: номера над дверями менялись, люди уходили и приходили. Мимо прошла уборщица с ведром и шваброй, посмотрела на его ноги, решила, что можно, и протёрла пол вокруг его ботинок, не попросив их убрать.

«Так, – сказал он себе. – Спокойно. По пунктам».

Пунктов не было.

Он ждал, когда они появятся, как ждут, когда загрузится страница. Пункт первый. Пункт второй. Работа. Ферма, которая уже не его. Передача дел на восемнадцати страницах. Квартира. Валентина Петровна. Отпуск. Деньги. Но всё это были не пункты, а слова, и между ними не было никакой связи, никакого порядка, никакой стрелки от одного к другому. Впервые в жизни у него не получалось разложить. Он держал в руках сумку и не понимал, за какой конец брать.

Мужчина, похожий на учителя физкультуры, повернулся к нему.

— Простите, – обратился он. – Не прочтёте, какой там номер горит? Я очки дома забыл. Всю жизнь забываю.

Алексей прочёл.

— Сорок седьмой.

— Мой. – Мужчина приподнялся. – Спасибо.

Он встал окончательно, тяжело, опираясь на колено, и пошёл к двери. Алексей проводил его взглядом.

Телефон в кармане прожужжал. Он достал его машинально.

Сообщение было не от Ромы, не от Стаса и не от начальника. Сообщение было от сервиса, где он покупал билеты на поезд.

«Алексей, до вашей поездки осталось 27 дней. Москва – Новороссийск, 7 сентября. Не забудьте паспорт. Хорошего путешествия».

Он прочитал его один раз, медленно, до конца.

Потом перевернул телефон экраном вниз и положил на сумку.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.